

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Мусаткина Арина Игоревна

Студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-1330-0868, e-mail: arina_musatkina@mail.ru

Отечественным уголовно-процессуальным законом в строго определенных случаях предусматривается возможность перехода процессуальных прав от одного лица к другому, однако законодатель не называет данный процесс правопреемством, а равно не определяет подробный порядок «замены» участника уголовного судопроизводства его правопреемником. Судебная практика подтверждает наличие проблемы недостаточного правового регулирования института уголовно-процессуального правопреемства, по данному вопросу выражена не одна правовая позиция Конституционного Суда РФ; тем не менее соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ до сих пор не внесены. Автор отмечает особенности и недостатки, связанные с процессуальным правопреемством статуса такого участника уголовного судопроизводства, как потерпевший. В частности, указывается на недопустимость правопреемства в отношении потерпевшего – юридического лица, а также на отсутствие подробной регламентации процедуры перехода прав умершего потерпевшего к его правопреемникам. На основе выводов Верховного Суда РФ высказывается мнение о возможности применения по аналогии к статусу гражданского истца положений, предусматривающих правопреемство потерпевшего. Приводятся подходы законодателей ряда государств-участников СНГ к регулированию института правопреемства. Уделяется внимание вопросу о возможности перехода прав умершего подозреваемого (обвиняемого) к его близким родственникам. Подчеркивается допустимость исключительно процессуального правопреемства статуса подозреваемого (обвиняемого).

Ключевые слова: правопреемство в уголовном процессе, правопреемник, потерпевший, гражданский истец, обвиняемый

Для цитирования: Мусаткина А. И. О процессуальном правопреемстве отдельных участников уголовного судопроизводства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 6. С. 20–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_6_20.

ON THE PROCEDURAL SUCCESSION OF INDIVIDUAL PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Musatkina Arina

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-1330-0868, e-mail: arina_musatkina@mail.ru

The domestic criminal procedure law, in strictly defined cases, provides for the possibility of transferring procedural rights from one person to another. Still, the legislator does not call this process «succession», nor does it provide a detailed procedure for the «replacement» of a participant in criminal proceedings by a successor. Judicial practice confirms the existence of a problem with insufficient legal regulation of the institution of criminal procedural succession, and the Constitutional Court of the Russian Federation has expressed more than one legal position on this issue. However, the relevant amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation have not yet been made. The author notes the features and disadvantages associated with the procedural succession of the status of such a participant in criminal proceedings as a victim. In particular, she points out the inadmissibility of succession

of the status of a victim-corporation, as well as the lack of detailed regulation of the procedure for transferring the rights of a deceased victim to their legal successors. Based on the conclusions of the Supreme Court of the Russian Federation, the author suggests that the provisions providing for the succession of a victim can be applied by analogy to the status of a civil claimant. The approaches of legislators of some member states of the Commonwealth of Independent States to the regulation of the succession institution are presented. Attention is paid to the issue of the possibility of transferring the rights of a deceased suspect (accused) to their close relatives. It is emphasized that the succession of the status of a suspect (accused) can be exclusively procedural.

Key words: succession in criminal proceedings, legal successor, victim, civil claimant, accused

*For citation: Musatkina A. (2022) On the procedural succession of individual participants in criminal proceedings. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 6, pp. 20–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_6_20.*

По мнению ряда авторов, формулировка «переход прав», которая используется в законах и литературе, является условной, так как во владение другого лица может быть передана только вещь, а не право¹, представляющее собой юридическую категорию². Тем не менее видится обоснованным тезис о том, что, исходя из положений российского законодательства, допустимо и предпочтительно использовать термин «правопреемство», означающий замену субъекта в правоотношении с одновременным переходом прав и обязанностей от одного субъекта к другому³.

Институт процессуального правопреемства, подразумевающий замену выбывшей стороны в спорном правоотношении правопреемником, прямо закреплен в ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ и в ст. 48 Арбитражного процессуального кодекса РФ. В свою очередь, уголовно-процессуальный закон не только не предусматривает замену участвующего в процессе лица, но и вовсе не использует термины «правопреемство» или «правопреемник». Думается, это можно объяснить тем, что инициирование или продолжение производства по уголовному делу как на досудебных стадиях, так и в суде возможно даже без одного из ключевых участников процесса со стороны обвинения – потерпевшего; тогда как судебное разбирательство по гражданскому делу в случае, когда одна из сторон «исчезает» и нет возможности вступления в процесс ее правопреемника, недопустимо, что подтверждается положениями ст. 220 ГПК РФ⁴; аналогичное основание прекращения арбитражного дела закреплено в п. 6 ч. 1 ст. 150 АПК РФ⁵.

В доктрине материального уголовного права потерпевший от преступления признается факультативным признаком состава преступления и не отождествляется с объектом преступления. Для уголовного же процесса, напротив, объектом преступления всегда будет именно потерпевший в материально-правовом смысле этого понятия.

Уголовное право использует термин «потерпевший от преступления» в широком смысле, подразумевая под ним не только отдельных физических или юридических лиц, но и общество в целом и даже государство, интересам которого в результате совершения отдельных видов преступлений причиняется вред. В соответствии же с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его

¹ Рясенцев В. А. Правопреемство в судебной и нотариальной практике // Советская юстиция. 1977. № 20. С. 7.

² Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. С. 173.

³ Носов Д. В. Правопреемство в российском праве. Пермь: ПГНИУ, 2013. С. 41.

⁴ Суд прекращает производство по делу в случае, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство или ликвидации организации, являвшейся одной из сторон по делу, завершена.

⁵ Арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что после смерти гражданина, являющегося стороной в деле, спорное правоотношение не допускает правопреемства.

имуществу и деловой репутации. Очевидно, что понимание потерпевшего в уголовно-процессуальном праве существенно отличается от его уголовно-правового толкования: публично-правовые образования не могут быть признаны потерпевшими с позиции УПК РФ, поскольку правила о юридических лицах применимы к ним лишь при регулировании гражданских правоотношений (п. 2 ст. 124 Гражданского кодекса РФ).

Соответственно, в уголовном процессе возможны ситуации, при которых допускается производство без участия потерпевшего. Например, при совершении государственной измены (ст. 275 Уголовного кодекса РФ) для уголовного права потерпевшим является государство, его интересы в ходе судебного процесса будет представлять прокурор. Но можно ли в обозначенном примере говорить о процессуальном правопреемстве потерпевшего?

Уголовно-процессуальный закон допускает своеобразное правопреемство статуса потерпевшего лишь в двух случаях: 1) по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников (ч. 8 ст. 42 УПК РФ); 2) в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном ч. 3 ст. 318 (ч. 2 ст. 318 УПК РФ)¹. Данный перечень является закрытым и исчерпывающим, так как само по себе правопреемство потерпевшего (именно процессуальное) запрещено².

Прокурор, выполняя одну из возложенных на него ч. 1 ст. 37 УПК РФ функций, а именно осуществляя от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, не является правопреемником потерпевшего – Российской Федерации по нескольким причинам: во-первых, самого по себе потерпевшего как участника уголовного процесса в данной ситуации нет, так как государство не может быть признано таковым по смыслу УПК РФ; во-вторых, прокурор – это самостоятельный участник со стороны обвинения, действующий в интересах государства, и он не может считаться потерпевшим, который имеет в уголовном деле охраняемый законом, защищаемый или представляемый личный интерес. Прокурор в таких случаях выступает законным представителем потерпевшего, а при предъявлении им гражданского иска (ч. 3 ст. 44 УПК РФ) – истцом по аналогии с гражданским процессом (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ).

Напомним, что потерпевшим по уголовному делу может быть признано и юридическое лицо. Однако УПК РФ не предполагает правопреемства в отношении потерпевшего – юридического лица в случае его ликвидации или реорганизации; причем нормы ч. 8 ст. 42 и ч. 2 ст. 318 УПК РФ неприменимы к юридическим лицам даже по аналогии, так как это может привести к совпадению в одном лице потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) – руководителя организации-правопреемника, что противоречит принципу состязательности сторон в уголовном судопроизводстве (ст. 15 УПК РФ). Ко всему прочему, если правопреемник – юридическое лицо будет учреждено уже после совершения преступления, то это полностью исключает возможность причинения ему вреда данным деянием³.

Бликие родственники и (или) близкие лица, а при их отсутствии – родственники, которые наделяются правами потерпевшего в случае наступления его смерти как последствия совершения расследуемого преступления, в УПК РФ не именуется его правопреемниками, не наделены самостоятельными процессуальными статусами, а объем их прав ограничивается тем перечнем, который приведен в ст. 42 УПК РФ.

Обращает на себя внимание и то, что в отечественном уголовно-процессуальном законе не урегулирован порядок реализации ч. 8 ст. 42 УПК РФ; иными словами, абстрактная формулировка «права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к...» не дает полного представления о том, как на практике осуществляется один из допустимых законом вариантов процессуального правопреемства.

¹ Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 207.

² Козубенко Ю. В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 182

³ Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 194.

В частности, остаются неразрешенными следующие вопросы: каким субъектом и по какому критерию будет определяться лицо, к которому перейдут процессуальные права погибшего потерпевшего; нужно ли получать согласие этого лица на участие в производстве по уголовному делу в качестве правопреемника; по чьей инициативе осуществляется правопреемство; каким процессуальным документом оно оформляется и т. д.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» лишь частично освещаются некоторые из обозначенных проблем¹, что объясняется конституционным принципом разделения властей (ст. 10 Конституции РФ), в силу которого суд не может выходить за пределы своих полномочий и подменять собой законодателя.

Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ к близким родственникам относятся супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Близких лиц в п. 3 названной статьи законодатель определил по остаточному принципу (иные, за исключением близких родственников и родственников), а также как лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, и лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Исходя из приведенных дефиниций, круг потенциальных правопреемников достаточно широк, ведь может оказаться, что у умершего потерпевшего осталось несколько поколений близких родственников, а к близким лицам, руководствуясь оценочным легальным определением, вполне допустимо отнести десятки людей из его окружения.

В контексте обозначенной проблемы уместно обратиться к международному опыту регламентации процедуры правопреемства на примере положений уголовно-процессуальных законов стран-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество).

В 1996 г. был принят Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-членов СНГ (далее – Модельный УПК), который представляет собой рекомендательный законодательный акт. Бесспорно, тексты модельных законов не всегда берутся за основу или учитываются законодателем². Вместе с тем уголовно-процессуальные законы отдельных стран-участников СНГ позаимствовали ряд положений Модельного УПК как в их «первозданном» виде, так и с внесением некоторых изменений.

Глава 13 Модельного УПК называется «Представители и правопреемники», а содержащаяся в ней ст. 114 регулирует процессуальный статус правопреемника потерпевшего, который отнесен к другим лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве. Кроме того, данная норма отвечает на поставленный ранее вопрос об инициаторе перехода процессуальных прав умершего потерпевшего: им является один из его близких родственников, выразивший соответствующее желание, при этом если таких лиц несколько, то выбор правопреемника осуществляется прокурором или судом.

Положения, регламентирующие порядок появления в производстве по уголовному делу фигуры правопреемника потерпевшего, были закреплены в УПК Республики Армения (ст. 80), УПК Азербайджанской Республики (ст. 106), УПК Республики Казахстан (ст. 71), УПК Кыргызской Республики (ст. 40). Наиболее необычными видятся подходы, использованные в УПК Азербайджанской Республики и УПК Республики Армения: первый в случае отсутствия у погибшего потерпевшего как близких, так и других родственников признает в качестве его правопреемника адвоката; второй позволяет вызвать правопреемника потерпевшего для участия в процессе в качестве

¹ Пленум Верховного Суда РФ разъясняет ч. 8 ст. 42 УПК РФ следующим образом: в случае признания потерпевшим одного из близких лиц в постановлении или определении должны быть приведены сведения, на основании которых судом сделан вывод о том, что указанное лицо является близким погибшему. Если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а в случае их отсутствия – родственников погибшего и они ходатайствуют о предоставлении им прав потерпевшего, эти лица признаются потерпевшими на основании мотивированного решения суда.

² Юртаева Е. А. Вопросы соотношения модельного и национального законодательства // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2000. № 3. С. 191.

свидетеля, что буквально подразумевает наличие у соответствующего лица двойного процессуального статуса.

Анализ уголовно-процессуальных законов зарубежных стран подтверждает необходимость внесения в УПК РФ дополнений, касающихся регулирования перехода процессуальных прав умершего потерпевшего к его правопреемнику.

В соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда или компенсации морального вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Зачастую процессуальный статус гражданского истца приобретает потерпевший, который непосредственно при производстве по уголовному делу заявляет гражданский иск. Ранее уже было сказано, что правопреемство в уголовном процессе возможно в случае наступления смерти потерпевшего как последствия расследуемого преступления. В то же время в УПК РФ нет положения, регламентирующего переход процессуальных прав умершего потерпевшего к другому лицу в части предъявления гражданского иска. Несмотря на это, в данной ситуации нет никаких препятствий для применения по аналогии ч. 8 ст. 42 УПК РФ, что подтверждается п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»¹.

Одним из оснований прекращения уголовного дела является смерть подозреваемого или обвиняемого. В то же время УПК РФ позволяет продолжить производство по уголовному делу, если на этом настаивают близкие родственники умершего в целях его реабилитации, тем самым обеспечивая возможность защиты конституционных прав умершего подозреваемого (обвиняемого)². В связи с этим возникает вопрос о возможности «замены» подозреваемого (обвиняемого) кем-то другим – иными словами, о правопреемстве статуса подозреваемого (обвиняемого).

Представляется, что в данном случае возможно только процессуальное правопреемство по аналогии с переходом процессуальных прав умершего потерпевшего (ч. 8 ст. 42 УПК РФ): права обвиняемого перейдут к одному из его близких родственников. Но это не означает материально-правовое правопреемство, т. е. фактическую замену одного из элементов состава преступления – его субъекта³. Указанная аналогия должна предполагать предоставление потенциальным правопреемникам тех прав, которыми должен был обладать умерший подозреваемый (обвиняемый), ведь отсутствие возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами означало бы умаление чести и достоинства личности самим государством⁴.

Данная позиция подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, который указал федеральному законодателю на необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законе перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, процессуальные формы их допуска к участию в деле и соответствующий правовой статус⁵. Впрочем, необходимые изменения в УПК РФ так и не были внесены. Законодатель в отношении правопреемников умершего подозреваемого (обвиняемого) ограничивается формули-

¹ Если потерпевшими по уголовному делу о преступлении, последствием которого явилась смерть человека, признаны несколько близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности участия в уголовном судопроизводстве – несколько его родственников, то каждый из них вправе предъявить гражданский иск, содержащий самостоятельное требование о компенсации морального вреда.

² Карпенко В. М. О процессуальном порядке прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) // Российский следователь. 2014. № 2. С. 13.

³ Козубенко Ю. В. Указ. соч. С. 149.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко.

ровкой «иные лица, чьи интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями и принимаемыми процессуальными решениями» (ч. 1 ст. 123 УПК РФ). Вместе с тем право на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов как самого умершего подозреваемого (обвиняемого), так и его правопреемников обусловлено не только формальным признанием лица тем или иным участником уголовного судопроизводства, но и наличием существенных признаков, характеризующих его фактическое положение¹. Поэтому, если лицо, в отношении которого совершались любые предусмотренные законом действия, направленные на установление факта совершения им преступления², скончалось до наделения его процессуальным статусом подозреваемого, процессуальное правопреемство также возможно.

Показательным видится производство по уголовному делу в отношении аудитора С. Магнитского, которое сначала было прекращено по нереабилитирующему основанию – в связи с его смертью (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а через два года возобновлено со ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда РФ о невозможности прекращать уголовные дела из-за смерти подозреваемых (обвиняемых) без согласия их родственников.

Близкие родственники С. Магнитского не возражали против прекращения уголовного дела, однако после принятия решения о продолжении расследования посчитали, что это было сделано с целью установления его виновности, а не реабилитации. Они также сочли недопустимым факт уголовного преследования умершего, в том числе потому, что это нарушало презумпцию невиновности С. Магнитского и его конституционное право на защиту. Мать аудитора, Наталья Магнитская, в 2012 г. обращалась в Конституционный Суд РФ с просьбой о разъяснении его постановления от 14 июля 2011 г. № 16-П. В частности, ей был поставлен следующий вопрос: являются ли близкие родственники умершего подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого производство по уголовному делу было возобновлено по инициативе органа, осуществляющего производство по уголовным делам, участниками уголовного процесса? Ответ на него не был сформулирован ни Конституционным Судом РФ в определении от 22 марта 2012 г. № 423-О-Р³, ни законодателем в УПК РФ, в связи с чем обозначенная проблема, связанная с отсутствием конкретного процессуального статуса близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), остается актуальной.

Анализ соответствующих положений УПК РФ дает основания заключить: возможность процессуального правопреемства в определенных случаях, а также порядок его реализации описаны в нормах закона весьма поверхностно. Права и законные интересы личности должны быть защищены не только в период жизни человека, но и после его смерти⁴. По этой причине видится важным регламентировать процесс перехода прав умершего участника уголовного судопроизводства к его близким родственникам (близким лицам, родственникам), учитывая при этом морально-этические аспекты и гарантируя последним право «защитить честь и достоинство умершего и добрую память о нем»⁵.

Список литературы

Айвар Л. К., Трунов И. Л. Мертвые подозреваемые не замолчат // Вестник Российской академии естественных наук. 2011. № 3. С. 107–111.

Карпенко В. М. О процессуальном порядке прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) // Российский следователь. 2014. № 2. С. 12–16.

¹ Айвар Л. К., Трунов И. Л. Мертвые подозреваемые не замолчат // Вестник Российской академии естественных наук. 2011. № 3. С. 109.

² Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. С. 127.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 423-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Магнитской Натальи Николаевны о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П».

⁴ Чернова С. С. Процессуальные последствия смерти потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1. С. 71.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко.

Козубенко Ю. В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. 304 с.

Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 217 с.

Носов Д. В. Правопреемство в российском праве. Пермь: ПГНИУ, 2013. 199 с.

Прошляков А. Д. О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 206–208.

Рясенцев В. А. Правопреемство в судебной и нотариальной практике // Советская юстиция. 1977. № 20. С. 6–8.

Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. 207 с.

Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. 888 с.

Чернова С. С. Процессуальные последствия смерти потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1. С. 70–73.

Юртаева Е. А. Вопросы соотношения модельного и национального законодательства // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2000. № 3. С. 189–193.

References

Aivar L. K., Trunov I. L. (2011) Mertvye podozrevaemye ne zamolchat [Dead suspects do not have fallen silent]. In *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk*, no. 3, pp. 107–111.

Chernova S. S. (2015) Protsessual'nye posledstviya smerti poterpevshego [Procedural consequences of the victim's death]. In *Vestnik Omskoi yuridicheskoi Akademii*, no. 1, pp. 70–73.

Karpenko V. M. (2014) O protsessual'nom poryadke prekrashcheniya ugovnogo dela v svyazi so smert'yu podozrevaemogo (obvinyaemogo) [About the procedural order of the termination of criminal proceedings in connection with the death of the suspect (accused)]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 2, pp. 12–16.

Kozubenko Yu. V. (2013) *Mekhanizm ugovno-pravovogo regulirovaniya i antisistema* [Mechanism of criminal law regulation and anti-system]. Yekaterinburg, UMTs UPI, 304 p.

Meshcheryakova Yu. O. (2018) *Proizvodstvo po ugovnomu delu v otnoshenii umershego: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal proceedings against the deceased: a candidate of legal sciences thesis]. Samara, 217 p.

Nosov D. V. (2013) *Pravopreemstvo v rossiiskom prave* [Succession in Russian law]. Perm, PGNIU, 199 p.

Proshlyakov A. D. (2009) *O neotchuzhdaemosti statusa yuridicheskogo litsa – poterpevshego po ugovnomu delu* [On the inalienable status of a legal entity – a victim in a criminal case]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 206–208.

Ryasentsev V. A. (1977) *Pravopreemstvo v sudebnoi i notarial'noi praktike* [Succession in judicial and notarial practice]. In *Sovetskaya yustitsiya*, no. 20, pp. 6–8.

Tolstoi V. S. (1973) *Ispolnenie obyazatel'stv* [Fulfillment of obligations]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 207 p.

Yurtaeva E. A. (2000) *Voprosy sootnosheniya model'nogo i natsional'nogo zakonotvorchestva* [Issues of correlation between model and national lawmaking]. In *Vestnik Mezhpaparlamentskoi Assamblei*, no. 3, pp. 189–193.